

УДК 94(37).09

**СИНЕЗИЙ КИРЕНСКИЙ И ВОЙСКОВОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ
«УННИГАРДЫ»: К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ГОТОВ И ГУННОВ
В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ IV в.**

© 2015 г.

Е.А. Мехамадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

mehamadiev@gmail.com

Поступила в редакцию 29.12.2014

Войсковое подразделение «уннигарды» (Οὐννιγάρδοι), фигурирующее в 78-м письме Синезия Киренского, представляет собой крайне дискуссионный и спорный объект исследования – разные авторы (Х. Лакобрад, Д. Роке, Т. Шмитт) высказывали самые противоречивые мнения о функциях, месторасположении, правовом ранге этого отряда, но никогда не пытались системно рассмотреть вопрос об этническом происхождении подразделения «уннигардов». На основании данных этимологии и сравнительной лингвистики автор приходит к выводу, что корень -γάρδ- в слове Οὐννιγάρδοι отражает германское происхождение, более того – он является калькой готского слова *gards* («дом», «строение»), очень близкого по значению к скандинавскому термину *garðr*. В то же время форма Οὐννι- из лексикона Синезия определенно указывает на гуннов и тюркский этноним. Следовательно, как предполагает автор, отряд уннигардов состоял из готов и гуннов, но возникает вопрос о причинах и обстоятельствах учреждения этого подразделения. Рассматривается возможность происхождения «уннигардов» от западноримских федератов (гуннов и готов), расселенных в Паннонии в 380 г., и делается вывод, что «уннигарды» не могли быть созданы на Западе, поскольку этому противоречат административные, правовые и, самое главное, военные условия поздней Римской империи рубежа IV–V вв.

Ключевые слова: уннигарды, Синезий Киренский, гунны, готы, федераты.

Обширное эпистолярное наследие Синезия Киренского, епископа г. Птолемаида в Киренаике (римская провинция, располагавшаяся на территории современной восточной Ливии) [1, р. 1049], включает в себя несколько писем, освещающих и военные проблемы этого региона. Среди них в первую очередь следует выделить знаменитое 78-е письмо Синезия, которое Д. Роке [2, р. 452] датировал июнем 411 г. В этом письме Синезий крайне негативно оценил состояние дел в обороне провинции от набегов местных варваров-кочевников, что привело епископа к довольно неутешительному выводу: «Не будет ли Пентаполю (т.е. Киренаике. – Е.М.) более полезным предпочесть доблестных мужей и воинов «уннигардов» всем воинам, не только так называемым местным, но и тем, кто когда-то прибыл в эти земли по договору» (Οὐδὲν ἂν γένοιτο Πενταπόλει λυσιτελέστερον τοῦ τοῦς ἀγαθοῦς καὶ στρατιώτας Οὐννιγάρδας πρὸς τῆς πᾶσι πάντων στρατιωτῶν, οὐ τῶν ἐνχωρίων λεγομένων μόνον, ἀλλὰ καὶ ὅσοι πώποτε κατὰ συμμαχίαν εἰς τοῦσδε τοῦς τόπους ἀφίκοιτο – Ер. 78, 1–5, ed. A. Garzya). Отметим, что данное войсковое подразделение фигурирует еще в нескольких пассажах цитированного письма, а также в другом произведении Синезия – трактате *Catastases*, и во всех случаях епископ дает очень высокую оценку подразделению «уннигардов»¹.

В связи с этим возникает естественный вопрос о времени возникновения и этническом составе отряда «уннигардов», столь доблестно защищавших границы Киренаики. Приведенный выше отрывок из письма Синезия вызывает среди исследователей самые разные трактовки – например, Д. Роке, оставив открытым вопрос о времени создания и этническом происхождении уннигардов, пришел к выводу, что этот отряд представлял собой отдельную дворцовую ауксилию (подразделение императорской гвардии), размещенную в Константинополе. По мнению исследователя, ауксилия «уннигардов» была создана в период императоров Феодосия I (379–395 гг.) или Аркадия (его сына, 395–408 гг.), и основой для ее формирования послужили племена, жившие за пределами империи. Впоследствии, как отмечает Д. Роке, ауксилия «уннигардов» была разделена на две части, из которых одна пребывала в Константинополе, а другая волей обстоятельств переместилась в Киренаику, где ее ставку и фиксирует епископ Птолемаиды [2, р. 249].

Другой автор, Т. Шмитт, исходит скорее из правовых критериев, – по его мнению, отряд «уннигардов» состоял из германцев и гуннов, которые были принудительно депортированы в далекую Киренаику из балкано-дунайских провинций в качестве пленников. Как полагает не-

мецкий исследователь, воины «уннигарды» восходят по происхождению к гуннам и скирам (германскому племени), которые в 409 г. совершили совместный набег на Фракию, но были разбиты восточноримской полевой армией и частично расселены в той же Фракии на правах колонов, частично же переведены в Пентаполис (литературное название Киренаики).

Парадоксально, но в оценке Т. Шмитта отряда «уннигардов», сформированный из бывших пленников, по неясным для нас причинам получил ранг федератов, т.е. привилегированных наемных войсковых контингентов, которые набирались строго по этническому принципу и только на время военных кампаний. В подтверждение своей идеи Т. Шмитт ссылается на текст закона, который, по мнению исследователя, предписывает, чтобы скиры и гунны были расселены вдали от Фракии и восточного Иллирика (Македония, Греция, Эпир, нижняя Скифия), – сведения этого закона привели Т. Шмитта к выводу, что в результате группы пленников получили места проживания в Киренаике – провинции, действительно очень удаленной от балканских регионов [4, S. 732–733]. Но, как раз наоборот, закон, изданный 12 апреля 409 г., в категорической форме *запрещает* расселять скиров и гуннов «(вдали) от областей Фракии и Иллирика» (*a partibus Thraciae vel Illyrici habitatione eorum penitus prohibenda* – CTh. V. 6. 3).

Несмотря на крайне противоречивые оценки, высказанные исследователями, мы хотели бы вновь обратиться к истории отряда «уннигардов», но с совершенно других позиций, в рамках совершенно иного аспекта. Мы полагаем, что в первую очередь необходимо более подробно рассмотреть этимологию самого слова Οὐννιγάρδαι, чтобы попытаться ответить на вопрос о функциях, правовом положении и способе формирования данного войскового соединения. Трактовка вопроса об «уннигардах», таким образом, должна исходить именно из грамматической структуры этого слова, его внешнего вида и формы написания. Подчеркнем, что никто из предшествующих исследователей не рассматривал проблему истории «уннигардов» с позиций лингвистики, никто не обращался к грамматической структуре самого слова Οὐννιγάρδαι, несмотря на то, что, казалось бы, именно этот аспект лежит на поверхности, предельно очевиден и доступен для анализа. На наш взгляд, более подробный разбор этимологии слова Οὐννιγάρδαι позволит определить специфику военной терминологии Синезия и даст возможность выявить динамику поздне-римской военной политики в отношении различных варварских племен, беспокоивших

своими набегами границы империи в последней четверти IV в.

Этноним Οὐννιγάρδαι: проблемы этимологии

Из известных нам примеров употребления корня -γάρδ- в греческих словах мы можем назвать только небольшой пассаж из трактата византийского императора Константина Багрянородного (913–959 гг., фактически правил с 945 г.) «Об управлении империей»² – в данном фрагменте Константин рассуждает о морских путях, по которым народ росов (т.е. «славяне» в историко-топографическом смысле, безотносительно к более чем двухвековой полемике норманистов и антинорманистов в отечественной историографии Киевской Руси)³ добирался до Константинополя. По словам василевса, «судна из внешней России прибывают в Константинополь из Новгорода» (τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόξυλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδάς – Const. Porph. DAI. 9, 3-4, ed. Gy. Moravcsik, R.J.H. Jenkins, p. 56). В данном фрагменте мы следуем переводу и комментарию Р. Дженкинса, который перевел слово Νεμογαρδάς, крайне необычное для средневизантийского лексикона, как Novgorod [6, p. 57; 5, p. 26–27]⁴, что, несомненно, отражает форму, не имеющую к греческому языку никакого отношения.

Подчеркнем, что подобная корневая основа встречается только в словах скандинавского происхождения, – в частности, в тексте исландской «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне» Новгород фигурирует под названием Nógarða (at víkingar herjuðu á Bjarmaland ok Nógarða – «викинги грабили в Бьярмаланде и Ногардах», пер. Г.В. Глазыриной), более того, в одном из пассажей «Саги о Хрольве Пешеходе» (по версиям, предложенным сразу в нескольких рукописях), древнерусский город вновь был обозначен под тем же топонимом (i Hólmgarðaborg er mest atsetr Garðakonúngs, þat er nú kallat Nógarðar – «в городе Хольмгарде, который является главной резиденцией конунга Гардов и который теперь называется Ногардар», пер. Г.В. Глазыриной)⁵. Интересно, что другой памятник древнеисландской поэзии – «Сага об Ингваре путешественнике», составленный в XIII в., упоминает главный город Северной Руси уже под более традиционным топонимом – «Хольмгард» (A þui meli uar Eymundr j Holmgardi – «В то время, о котором рассказывается, Эймунд был в Хольмгарде», пер. Г.В. Глазыриной) [10, с. 205 – текст, с. 252 – перевод]. Обратим внимание, что, при всех разночтениях, в обоих вариантах неизмен-

ным остается корень *-garð/gard-*, который этимологически близок к основе *-ǵarð-* из сообщений Константина Багрянородного. Другими словами, мы полагаем, что форма *-ǵarð-* совершенно точно представляет собой греческую кальку скандинавской корневой основы *-garð/gard-*, что, несомненно, позволяет по-новому оценить литературный стиль и метод словообразования в трактате византийского императора.

Но для нашей темы важно другое: как свидетельствуют данные нескольких словарей древненорвежского языка, слово *garðr* обозначало в лексиконе викингов такие термины, как *courtyard* («двор»), *farmyard* (досл. – «двор фермы»), *hayfield enclosure* (по сути – «огороженный луг»), *buildings* («строения») и просто *enclosures*, т.е. любые ограждения, заградительные линии, которые делают какое-либо пространство замкнутым, защищенным от проникновения извне [11, р. 76; 12, р. 191–192, sv. *garðr*]. Как известно, скандинавские языки относятся к германской группе индоевропейской языковой семьи, и именно поэтому особенно примечательным выглядит наличие примерно тех же значений в «Библии» Ульфилы – крупнейшем памятнике готской письменности, который, как позволяют заключить об этом сведения из биографии самого Ульфилы [13, р. 508; 14, р. 795], мог быть создан между 348 и 382 гг. Значение этого памятника состоит в том, что «Библия» Ульфилы – единственный дошедший до нас текст, написанный на германском языке, в данном случае – на готском.

К сожалению, по периоду IV–V вв. у нас больше нет каких-либо других образцов германской письменности, т.е. текстов, составленных на других германских языках, например франкском или аламманском. Но поскольку «Библия» Ульфилы дает возможность подробно рассмотреть грамматическую структуру, морфологию и словарный запас только готского языка, мы считаем целесообразным обратиться именно к этому памятнику, чтобы сравнить значения слов *garðr* и *gards* в древненорвежском и готском языках, относящихся к германской языковой группе. Более того, следует учитывать предельно важный факт – из всех германских племен только готы наиболее интенсивно и последовательно служили и размещались в провинциях Восточной половины империи, и при этом не только в балкано-дунайских регионах, где они беспокоили границы империи еще с середины III в., поскольку и Аммиан Марцеллин (Amm. XXXI. 16. 8), и Зосим (IV. 30. 1–5) однозначно свидетельствуют, что готы в качестве военных контингентов пребывали как в ближневосточных регионах, так и в Египте –

провинции, непосредственно граничившей с Киренаикой⁶.

В данном случае словарь готских слов, составленный В. Штрайтбергом в качестве приложения к его изданию «Библии» Ульфилы, отчетливо показывает, что часто встречающийся в тексте термин *gards* подразумевал такие значения, как *Haus* («дом»), *Hauswesen* («домашнее хозяйство»), *Familie* («семья»), в одном из случаев – *Platz vor dem Hofe* («место перед двором») [17, S. 47]. В этом плане предельно важно подчеркнуть, что, согласно просопографическому исследованию Й. Ярнута, Г. Эблинга и Г. Камперса, именно один из вестготских королей периода VI–VII вв. носил имя *Gardingus* – очевидно, к эпохе раннего Средневековья готский корень *-gard-* постепенно превращался в имя собственное [18, S. 728; 19, S. 598–599].

На наш взгляд, наличие схожих значений в корне *-gard/garð-*, который встречается и в скандинавских, и в готском языках, определенно не только свидетельствует в пользу морфологической близости этих языков, но и дает дополнительный аргумент в пользу их прямого родства и общего происхождения. Другими словами, можно предположить, что готский язык относится к скандинавским языкам и, следовательно, предполагаемой прародиной готов была именно Скандинавия. В этом смысле сведения сравнительной лингвистики, данные археологии и письменных источников (Плиний Старший, Тацит, Страбон, Птолемей) приводили большинство исследователей к выводу, что изначальным местом расселения готов были либо Южная Швеция (Й. Свеннунг, Э. Шварц, Э. Вессен, Э. Оксенштирна, Н. Вагнер) [20, S. 210–211, 212, 214–215, 216; 21, S. 29–30; 22, S. 85–86; 23, S. 149; 24, S. 148, 171, 181, 190–191; 25, S. 24, 31–32; 26, S. 120–121, 124, 125–126; 27, S. 70–71, 74–75, 234–235], либо остров Готланд, сохранивший в своем названии этноним самих готов (подобной точки зрения последовательно придерживался только Р. Венскус) [28, S. 464, 466].

Из принципиальных противников «скандинавской» гипотезы можно выделить шведского археолога К. Вайбюлля, в свое время пытавшегося развенчать историческую достоверность сведений готского историка Иордана, рассказывающего о переселении готов из т.н. Скандии, но тезисы К. Вайбюлля, опиравшегося только на нарративную традицию (главным образом, сообщения Тацита), сами требуют критического подхода и нуждаются в серьезном пересмотре [29, S. 19, 21–22]. Длительными, но, как нам представляется, малоубедительными поисками компромиссной линии в трактовке данного во-

проса занимался Р. Гахманн, отрицающий значимость сведений Иордана, но в то же время признающий, что нельзя сбрасывать со счетов идею о наличии готов как в Скандинавии, так и к югу от Балтийского моря (в основном литовское побережье, а также север Польши и Германии) [30, S. 453–454, 466–467].

Мы же полагаем, что представленный выше лексико-грамматический материал по корневой основе -gard/garð- в этой долгой и неослабевающей дискуссии служит новым аргументом в пользу несомненного родства скандинавских и готского языков и позволяет поэтому утверждать, что корневой элемент -γάρδ- у Синезия Киренского принадлежит к словарному запасу только готского языка как наиболее близкого к последующим образцам скандинавской письменности – сагам.

Следовательно, мы можем утверждать, что корень -γάρδ- в слове Οὐννιγάρδαи **указывает на наличие готского лексического элемента** в названии данного войскового соединения. Первая же часть термина – Οὐννι – безусловно, отражает тюркский этнический компонент. Как свидетельствует подборка данных, представленных в «Byzantinoturcica» – грандиозном компендиуме, всеобъемлющей энциклопедии по византийско-тюркским связям, форма Οὐννι неизменно присутствует как обязательный элемент во всех тюркских этнонимах, переданных буквами греческого алфавита: Ὀνογοῦνδοῦροι = Οὐννογοῦνδοῦρων Βουλγάρων, Ὀνόγουροι = Οὐννογοῦρων Βουλγάρων, Οὐννουγοῦροι (οὐννουγοῦροι, Οὐννογοῦρων, Οὐννογοῦροις) [31, S. 218–219].

Исходя из приведенных выше данных, мы можем предположить, что отряд Οὐννιγάρδαи представлял собой этническое войсковое соединение смешанного состава: он включал в себя кадры, набранные как из готских (германских), так и из гуннских (тюркских) племен, что в несколько причудливой форме было отражено в названии этого подразделения. Соответственно, как мы полагаем, слово Οὐννιγάρδαи отражает этнический состав, этническое происхождение военного отряда, который носил столь редкое название, т.е., другими словами, мы можем считать это слово этнонимом, действительно указывающим на наличие в подразделении «уннигардов» двух этнических компонентов: гуннов и готов. Как известно, в последней четверти IV в. гунны и готы в равной мере угрожали как Западной, так и Восточной половине империи, поскольку эти племена не только вплотную приблизились к границам римского государства, но и разместились целыми группами непосредственно внутри римской территории, в пре-

делах западноримских и восточноримских земель. В связи с этим сразу подчеркнем, что в данной статье мы ограничимся материалом по Западной половине империи⁷, чтобы ответить на вопрос, как значение слова «уннигарды» было связано или отражало взаимоотношения Западной Римской империи с варварскими народами, жившими на ее границах или в пределах ее территории, и каким образом историю подразделения «уннигардов» можно поместить в контекст этих взаимоотношений.

Готы и гунны в конце IV – начале V в.: проблемы взаимодействия варваров с Западной половиной империи

Следуя датировке, предложенной Д. Роке, мы можем условно ограничить хронологию нашего исследования периодом до 411 г. – именно этот год необходимо рассматривать как своеобразный *terminus ante quem*, поскольку из сведений Синезия ясно, что к 411 г. подразделение уннигардов уже существовало и несло активную службу в пограничной армии Киренаики. В свою очередь, тюркский компонент Οὐννι- в названии Οὐννιγάρδαи подсказывает вполне логичный вывод, что верхней хронологической границей для создания отряда уннигардов можно считать 375 г., когда гунны, до этого кочевавшие в степях к северу от Азовского моря, обрушились с разрушительными атаками на народы, обитавшие в восточном Приазовье (аланы) и на территории современной Украины (остготы Германариха и впоследствии вестготы ближе к бассейну р. Прут и некоторым регионам северо-восточной Румынии) [32, с. 189]. Под натиском гуннов готские племена начали свое движение в земли империи, и в этой связи достаточно странной выглядит позиция Г. Краутчика, отметившего, что вплоть до 400 г. мы можем говорить только о незначительной группе (Handvoll – «горсть»!) гуннов, вместе с аланами и вестготами Фритигерна продвигавшихся через Воеводину на запад к бассейну р. Тиссы [33, S. 44]. Несомненно, в массовом перемещении народов участвовали сразу несколько гуннских племен, и их численность, судя по всему, была довольно значительной.

Подтверждением нашему выводу служит 24-е (по нумерации в «Латинской патрологии» Ж.-П. Миня) письмо Амвросия Медиоланского, в котором отец Церкви отмечает, что в 384 г. западноримский император Валентиниан II поручил своему полководцу Бавтону, франку по происхождению, отправиться в приальпийскую провинцию Рецию и провести там с помощью гуннов военную кампанию против германцев-

ютунгов, грабивших эти земли⁸. Более того, из сведений епископа следует, что практически одновременно молодой Август «обратил назад» других гуннов, «приближавшихся к Галлии» (...*Valentinianus Hunnos atque Alanos appropinquantes Galliae per Alemanniae terras reflexit... in medio Romani imperii sinu Juthungi populabantur Rhetias; et ideo adversus Juthungum Hunnus accitus est.* – «...Валентиниан гуннов и аланов, приближающихся к Галлии, обратил назад через земли Аламаний... в самом центре Римской империи ютунги уничтожали Рецию; и поэтому против ютунга был призван гунн» – Ер. 24. 8 = PL. 16. 1038A).

На наш взгляд, Э. Томпсон и совсем недавно Х. Грачанин правильно отождествили гуннов, подошедших к границам Галлии, с федератами, которых западноримское правительство еще в 380 г. расселило на территории Паннонии, предоставив им земли для постоянного проживания [35, p. 26; 36, p. 37]. Как видно из сведений Амвросия, гунны приняли участие сразу в двух экспедициях – против галльского узурпатора Магна Максима на рейнском фронте, где они были вынуждены отступить обратно в Паннонию (именно так мы понимаем слово *reflexit* в письме епископа), и в Реции против ютунгов, где, судя по всему, гуннам сопутствовала удача. Отсюда следует, что количество отрядов, на вербованных из тюркских кочевников, явно не уступало готам и аланам, и даже более того – аланы, очевидно, как раз и составляли меньшинство в тройном союзе племен, расселенных в Паннонии.

Могли ли эти гунны послужить основой для формирования подразделения «уннигардов», пребывавшего в Киренаике? Э. Демужо в свое время предположила, что в отличие от готов, размещенных во Фракии (т.е. в восточной половине империи), паннонские федераты, и гунны в их числе, представляли собой истинных федератов в буквальном смысле слова – с ними был заключен договор (*foedus*), и они дислоцировались в Паннонии на правах обособленных этнических соединений без включения в регулярные силы местной римской армии [37, p. 147, 149, 155]⁹. Единственное известное нам прямое упоминание о военных функциях федератов, живших в Паннонии, содержится в панегирике галльского ратора Паката, произнесенном в 389 г. в честь победы императора Феодосия над Магном Максимом (она состоялась годом ранее, летом 388 г.).

Пакат красноречиво говорит, что «под дуксами и знаменами римскими шествовал некогда враг римский, и знаменам, против которых стоял ранее, следовал, и города Паннонии, которые

он недавно опустошал враждебными разорениями, воин наполнил. Тот гот, гунн и алан отвечает по имени, попеременно держит защиту, и немногочисленный, боится порицания» (*Ibat sub ducibus vexillisque Romanis hostis aliquando Romanus, et signa contra quae steterat sequebatur, urbesque Pannoniae quas inimica dudum populatione vacaverat miles implebat. Gothus ille et Chunnus et Halanus respondebat ad nomen et alternabat excubias et notari infrequens verebatur* – Pan. Lat. II (XII). 32. 4)¹⁰. Из представленного пассажа можно сделать следующий вывод – слово *urbes* однозначно указывает на полноценные города внутри провинции, но не на пограничные крепости, специально предназначенные только для военных гарнизонов. Вопреки мнению Ш. Шопрони [39, s. 89–91, 93, 100], рассматривающего отряды гуннов и алан исключительно как подразделения *limitanei*, т.е. пограничные войсковые части, заменившие собой регулярные войска, выведенные из Паннонии еще в 377 г., мы полагаем, что латинский панегирист дает сведения именно о соединениях полевой армии *comitatenses*, которые всегда размещались только во внутренних областях провинции, как правило – в наиболее крупных городах.

Другими словами, подчеркнем, что перед нами – войсковые части, сформированные из представителей трех племен (гуннов, алан и готов), с которыми Западная империя заключила союзный договор о военной службе и проживании варваров в пределах паннонских земель, но принципиально важно, что группы федератов были на вербованы не в уже существующие соединения римской регулярной армии. Наоборот, группы варваров послужили основой для создания самостоятельных этнических отрядов, которые впоследствии *получили* регулярный статус – они представляли собой мобильные корпуса армии *comitatenses*, размещенные строго внутри провинции на постоянной основе. Тем не менее, по кадровому составу это были этнические соединения, находившиеся под командованием их собственных племенных вождей, – в соответствии с данным критерием регулярные формации *comitatenses* в Паннонии, на вербованные из варваров, вполне попадают под категорию федератов¹¹.

На наш взгляд, подтверждение высказанного выше тезиса можно найти в 20-м письме Амвросия, написанном в 385 г. по случаю серьезного религиозного конфликта епископа с Юстиной, матерью императора Валентиниана II, оказывавшей на него огромное влияние в плане религиозных предпочтений. Официальные власти потребовали у Амвросия передать в распоряжение ариан, к числу которых относилась и

Юстина, одну из новых церквей в пределах Медиолана. Амвросий ответил отказом, реакцией же Валентиниана II была отправка в церковь нескольких войсковых корпусов, среди которых были т.н. готы-трибуны, присутствовавшие в здании базилики: *Horrebam quippe animo, cum armatos ad basilicam Ecclesiae occupandam missos cognoscerem... Aderant Gothi tribuni, adorabar eos, dicens: Propterea vos possessio Romana suscepit, ut perturbationis publicae vos praebeatis ministros?* («Конечно, в душе я пришел в ужас, когда узнал, что вооруженные люди были отправлены к базилике Церкви, чтобы занять ее... Присутствовали здесь и готы-трибуны, я подошел к ним, говоря: “По этой ли причине римское владение приняло вас, чтобы вы во время общественного смутения давали пособников?”») – Ер. 20. 9 = PL. 16. 997A, подчеркивание наше. – Е.М.)

Мы полагаем, что под наименованием *Gothi tribuni* у Амвросия совершенно определенно можно понимать отряды готов-федератов, находившиеся под командованием своих племенных лидеров или просто представителей племенной знати. В данном случае эти командующие получали римские военные звания, к числу которых, как видим, относилось и звание трибуна. Следовательно, подразделения готов, размещенные в миланской базилике, были регулярными войсковыми частями, ранее дислоцировавшимися в Паннонии, – судя по всему, в императорском окружении приняли решение о переводе готов-федератов из Паннонии в Милан в связи с религиозным фактором (сами готы были арианами) и опасениями, что конфликт с Амвросием вызовет поддержку городского населения, настроенного в основном против арианства. Как мы полагаем, не исключено, что готы-федераты прибыли в Милан для предотвращения возможных народных волнений.

Все это не позволяет нам сказать, что готы и гунны, входившие в состав отряда Οὐννιγάρδοι из Киренаики, ранее принадлежали к паннонским федератам и имели западноримское происхождение – сложно поверить, что племена, находившиеся на привилегированном положении и принимавшие столь активное участие в императорских военных кампаниях, были переведены в отдаленную провинцию на восточном побережье Ливии. В период 380–395 гг. западноримское правительство определенно сделало ставку на гуннов и готов Паннонии как на единственно возможную защиту этой провинции от нападений других племен, преобразовав отряды федератов в регулярные соединения *comitatus*, находившиеся под командованием их племенной аристократии. Поэтому миланская администрация не могла решиться на такой

рискованный шаг, как перемещение союзников варваров в другие регионы.

После же 395 г. любой перевод из западных провинций в восточные был исключен, – как справедливо еще в 1942 г. отметил С. Мадзаринно, официальное единство и согласие двух половин империи декларировалось только на бумаге, в виде законов, формально изданных от имени двух императоров (западного и восточного), но в действительности вплоть до 410 г. между Миланом/Равенной и Константинополем шло ожесточенное и непримиримое противостояние, не позволявшее проводить совместную военную политику [41, р. 80, 85, 90]. Более того, готовясь к предстоящему военному походу в восточный Иллирик (Фракию и Македонию), Стилихон, западноримский военный магистр, к 408 г. сосредоточил в Италии большую часть федератов, как паннонских, так и тех, кто прибыл с рейнской границы (различные германские племена) [42, р. 23, 25], – все это, безусловно, исключает любую возможность отправки паннонских войсковых корпусов в Киренаику в период до 411 г., когда Синезий фиксирует пребывание в этой провинции отряда «уннигардов».

Т.о., приведенные выше данные позволяют нам заключить, что отряд «уннигардов» не мог быть набербован из гуннов и готов, расселенных в Паннонии на правах федератов, – паннонские готы и гунны обладали слишком привилегированным статусом, занимали слишком высокую ступень военной иерархии, чтобы западноримское правительство могло перевести эти отряды в отдаленную Киренаику, тем самым понизив их до ранга рядовых пограничных гарнизонов. С другой стороны, миланская, а впоследствии и равеннская администрация находилась в постоянной конфронтации с Восточной половиной империи, в состав которой входила Киренаика, поэтому с позиций внутри- и геополитической истории перемещение западноримских войсковых контингентов в земли, подчинявшиеся константинопольскому двору, выглядело бы совершенно нелогичным и неоправданным шагом, противоречащим как военно-стратегическим, так и административным реалиям империи рубежа IV–V вв. Все указанные причины дают нам основание предположить, что происхождение отряда «уннигардов» следует возводить к восточноримским готам и гуннам, и именно в событиях восточноримской военной истории следует искать причины учреждения этого войскового подразделения. Однако данный вопрос является задачей уже нового исследования.

Примечания

1. Более подробно об образе «уннигардов» в 78-м письме Синезия и трактате *Catastases* со ссылками на источники см. нашу статью в «Вестнике древней истории»: [3, с. 129–131].

2. Благодарю за эту ссылку аспиранта кафедры истории стран СНГ СПбГУ Г.С. Майорова.

3. Оставляя в стороне детали и нюансы подобной проблематики, ограничимся ссылкой на комментарий Р.Дж. Дженкинса, отмечающего, что слово «Русь» этимологически восходит к одному из скандинавских топонимов или этнонимов и что первоначально этим словом обозначали только сами скандинавские племена («варягов» русских летописей), которые сначала подчинили себе славянские земли по течению Днепра и в Новгороде, а затем дали свое название и всему Киевскому государству, находившемуся под их управлением. См.: [5, р. 22–23].

4. Р.Дж. Дженкинс полагает, что цитированный пассаж был написан в 944 г., и информатором Константина был византийский посол, участвовавший в заключении договора с киевским князем Игорем в этом году. В свою очередь, сам посол получил сведения о Северной Руси от норманнов, живших либо в Константинополе, либо (что, как нам кажется, более вероятно) непосредственно в Киеве – по крайней мере исследователь не сомневается, что форма *Νερούαρδās* является греческой транскрипцией скандинавского имени Новгорода.

5. Цитируем «Сагу о Хальвдане Эйстейнссоне» по изданию: [7, с. 86 – текст, с. 87 – перевод]. «Сага о Хрольве Пешеходе»: [8, S. 362, примечание 4 – текст; 9, с. 285, сноска 186 – перевод]. Обе саги были написаны в XIV–XV вв., т.е. отражают довольно поздний этап развития скандинавских языков.

6. См. об этом также: [15, р. 29–31]. На наш взгляд, попытка М. Шпайделя доказать, что под готами, жившими в ближневосточных регионах, следует понимать не солдат готского происхождения, а только заложников-готов (в основном детей и подростков), переведенных на Ближний Восток в 376 г., принципиально не меняет картину событий: мы действительно можем говорить о присутствии больших племенных масс готов на римско-персидской границе. См.: [16, р. 503].

7. Материал по восточным провинциям поздней Римской империи будет рассмотрен в нашей отдельной статье, которую мы хотели бы посвятить проблеме гуннов и готов во Фракии и в ближневосточных регионах.

8. В данном письме Амвросий детально описывает свое посольство ко двору галльского узурпатора Магна Максима в Трир с целью достичь соглашения между Максимом и законным императором Запада Валентинианом II, оставшимся в Италии. Следуем аргументации В. Грумея, предположившего, что само посольство состоялось в середине или в конце октября 384 г. Это подсказывает, что военные действия в Реции ко времени визита Амвросия в Трир уже завершились. См.: [34, р. 160].

9. Следует все же уточнить, что, по мнению исследовательницы, паннонские федераты не входили

в состав экспедиционных сил *comitatenses*, в то время как позиция Э. Демужо о привлечении варваров в пограничные гарнизоны и войска Паннонии для нас осталась неясной.

10. В этом смысле несколько удивляет однозначная уверенность Ф. Альтгейма в том, что победа Феодосия над Максимом была одержана исключительно благодаря помощи гуннов; как видим, Пакат неизменно сообщает нам именно о трех племенах – аланах, готах и гуннах, выступивших против галльского узурпатора единым фронтом. См.: [38, S. 187].

11. Следуем в определении юридического статуса федератов критериям, предложенным М. Чезой в 1984 г.: 1) наличие четко установленного места проживания; 2) выполнение военной службы в римской армии; 3) правовая обособленность федератов от пленных или поработанных варваров, переселенных в империю насильственным путем. Все это, по мнению исследовательницы, подводит к главному признаку – федераты служили в римской армии под началом своих собственных вождей. См.: [40, S. 312–313].

Список литературы

1. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. V. II: A. D. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 1342 p.
2. Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1987. 492 p.
3. Мехмадиев Е.А. Войсковые подразделения позднеимперской Киренаики в IV–V вв.: организационные аспекты в контексте данных Синезия Киренского // ВДИ. 2014. № 3. С. 111–133.
4. Schmitt T. Die Bekehrung des Synesios von Kyrene. Politik und Philosophie, Hof und Provinz als Handlungsräume eines Aristokraten bis zu seiner Wahl zum Metropoliten von Ptolemais. Leipzig: K.G. Saur, 2001. 832 S.
5. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. V. II. Commentary / Ed. by R.J. Jenkins. London: Athlone Press, 1962. 221 p.
6. Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperii / Ed. Gy. Moravcsik, transl. by R.J.H. Jenkins. Washington: Dumbarton Oaks, 1967 (CFHB. V. I). 341 p.
7. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М.: Ладомир, 1996. 240 с.
8. Fornaldar Sögur Nordrlanda / Utg. C.C. Rafn. B. III. Kaupmannahöfn: Poppske, 1830. 779 S.
9. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том V: Древнескандинавские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 384 с.
10. Глазырина Г.В. Сага об Ингваре путешественнике: текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2002. 464 с.
11. A New Introduction to Old Norse. Part III: Glossary and Index of Names / Compiled by A. Faulkes. London: University College, 2008⁴. 318 p.
12. An Icelandic-English Dictionary / Comp. by R. Cleasby, G. Vigfusson. Oxford: Clarendon Press, 1874. 780 p.

13. Thompson E.-A. Early Visigothic Christianity // *Latomus*. 1962. Vol. 21. Fasc. 3. P. 505–519.
14. Thompson E.-A. Early Visigothic Christianity [Continuation] // *Latomus*. 1962. V. 21. Fasc. 4. P. 794–810.
15. Remondon R. Problèmes militaires en Égypte et dans l'Empire à la fin du IVe siècle // *RH*. 1955. V. 213. Fasc. 1. P. 21–38.
16. Speidel M.P. The Slaughter of Gothic Hostages after Adrianople // *Hermes*. 1998. Bd. 126. Hft. 4. P. 503–506.
17. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. 2 Teil: Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910. 180 S.
18. Ebling H., Jarnut J., Kampers G. Nomen et gens. Untersuchungen zu den Führungsschichten des Franken-, Langobarden- und Westgotenreiches im 6. und 7. Jahrhundert // *Francia*. 1980. Bd. 8. S. 687–745.
19. Förstemann E. Altdeutsches namenbuch. Bd. I. Bonn: P. Hanstein, 1900². 1698 S.
20. Wagner N. Getica. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. Berlin: De Gruyter, 1967. 280 S.
21. Schwarz E. Die Urheimat der Goten im Lichte der Sprache // *Forschungen und Fortschritte*. 1953. Jg. 27. Hft. 1. S. 28–30.
22. Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg: C. Winter, 1956. 248 S.
23. Schwarz E.. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. Studien zur Ausgliederung der Germanischen Sprachen. Bern – München: A. Francke & Leo Lehnen, 1951. 277 S.
24. Oxenstierna E.C.G. Die Urheimat der Goten. Leipzig: J.A. Barth, 1945. 266 S.
25. Svennung J. Jordanes und die gotische Stammesage // *Studia Gotica*. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden und Südosteuropa / Red. V.E. Hagbert. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1972. S. 20–56.
26. Wessén E. Die gotische Sprache und ihre Überlieferung // *Studia Gotica*. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden und Südosteuropa / Red. V.E. Hagbert. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1972. S. 120–129.
27. Svennung J. Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1967. 260 S.
28. Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln–Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 S.
29. Weibull C. Die Auswanderung der Goten aus Schweden. Göteborg: Erlanders, 1958. 28 S.
30. Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin: De Gruyter, 1970. 584 S.
31. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. Leiden: E.J. Brill, 1983³. 376 S.
32. Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 1999². 320 с.
33. Krautschick S. Hunnensturm und Germanenflut 375 – Der Beginn der Völkerwanderung. // *BZ*. 1999. Bd. 92. S. 10–67.
34. Grumel V. La deuxième mission de saint Ambroise auprès de Maxime // *REByz*. 1951. V. IX. P. 154–160.
35. Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. Oxford: Clarendon Press, 1948. 228 p.
36. Gračanin H. The Huns and South Pannonia // *Byzantinoslavica*. 2006. V. 64. P. 29–76.
37. Demougeot E. Modalités établissement des fédérés barbares de Gratien et de Théodose // *Mélanges d'Histoire ancien offerts a William Seston*. Paris: de Boccard, 1974. P. 143–160.
38. Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd. IV: Die Europäische Hunnen. Berlin: De Gruyter, 1962. 388 s.
39. Soproni S. Die letzten Jahrzehnte des pannonischen Limes. München: Beck, 1985. 128 S.
40. Cesa M. Überlegungen zur föderatenfrage // *MIÖG*. 1984. Bd. 92. Hft. 3/4. S. 307–316.
41. Mazzarino S. Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio. Roma: A. Signorelli, 1942. 401 p.
42. Cesa M. Römische Heer und barbarische Föderaten: Bemerkungen zur weströmische politik in den Jahren 402–412 // *L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. / Ed. M. Kazanski. Rouen: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. S. 21–29.

SYNESIUS OF CYRENE AND THE MILITARY UNIT OF *UNNIGARDAI*: ON THE STATUS OF GOTH AND HUNS IN THE WEST ROMAN EMPIRE DURING THE LAST QUARTER OF THE 4th CENTURY

E.A. Mekhamadiev

The military unit *Unnigardai* (Οὐννιγάρδαι), mentioned in the 78th letter of Synesius of Cyrene, is an extremely controversial, even enigmatic object of study: different scholars, such as Ch. Lacombrade and D. Roques, expressed their conflicting opinions on duties, location and legal rank of *Unnigardai*, but never posed a question of their ethnic origin. On the basis of etymological and comparative linguistic data the author concludes that the root -γάρδ- in the word used by Synesius reflects the Germanic origin, moreover, it is a transliteration of the Gothic word *gards* («house», «building») that has a very close meaning to the Scandinavian term *garðr*. At the same time the -Οὐννι- component from the lexicon of Synesius definitely points to Huns and the Turkic ethnonym. Consequently, as the author supposes, the detachment of *Unnigardai* consisted of Huns and Goths, but the question arises about the reasons and circumstances of the establishment of this unit. In this paper, the author considers the view that *Unnigardai* originated from West Roman federates (Huns and Goths) who settled in Pannonia by 380 and concludes that *Unnigardai* could not be formed in the Western half of the Empire, because it is inconsistent with administrative, legal and, most importantly, military situation of the late Roman Empire at the turn of the 5th century.

Keywords: *Unnigardai*, Synesius of Cyrene, Huns, Goths, federates.

References

1. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. V. II: A. D. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 1342 p.
2. Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1987. 492 p.
3. Mekhamadiev E.A. Vojskovye podrazdeleniya pozdnerimskoj Kirenaiki v IV–V vv.: organizacionnye aspekty v kontekste dannyh Sineziya Kirenskogo // VDI. 2014. № 3. S. 111–133.
4. Schmitt T. Die Bekehrung des Synesios von Kyrene. Politik und Philosophie, Hof und Provinz als Handlungsräume eines Aristokraten bis zu seiner Wahl zum Metropoliten von Ptolemais. Leipzig: K.G. Saur, 2001. 832 S.
5. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. V. II. Commentary / Ed. by R.J. Jenkins. London: Athlone Press, 1962. 221 p.
6. Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, transl. by R.J.H. Jenkins. Washington: Dumbarton Oaks, 1967 (CFHB. V. I). 341 p.
7. Glazyrina G.V. Islandskie vikingskie sagi o Severnoj Rusi: teksty, perevod, kommentarij. M.: Ladomir, 1996. 240 s.
8. Fornaldar Sögur Nordrlanda / Utg. C.C. Rafn. B. III. Kaupmannahöfn: Poppke, 1830. 779 S.
9. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. Tom V: Drevneskandinavskie istochniki. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2009. 384 s.
10. Glazyrina G.V. Saga ob Ingvare puteshestvennike: tekst, perevod, kommentarij. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 464 s.
11. A New Introduction to Old Norse. Part III: Glossary and Index of Names / Compiled by A. Faulkes. London: University College, 2008⁴. 318 p.
12. An Icelandic-English Dictionary / Comp. by R. Cleasby, G. Vigfusson. Oxford: Clarendon Press, 1874. 780 p.
13. Thompson E.-A. Early Visigothic Christianity // Latomus. 1962. Vol. 21. Fasc. 3. P. 505–519.
14. Thompson E.-A. Early Visigothic Christianity [Continuation] // Latomus. 1962. V. 21. Fasc. 4. P. 794–810.
15. Remondon R. Problèmes militaires en Égypte et dans l'Empire à la fin du IVe siècle // RH. 1955. V. 213. Fasc. 1. P. 21–38.
16. Speidel M.P. The Slaughter of Gothic Hostages after Adrianople // Hermes. 1998. Bd. 126. Hft. 4. P. 503–506.
17. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. 2 Teil: Gotisch-Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910. 180 S.
18. Ebling H., Jarnut J., Kampers G. Nomen et gens. Untersuchungen zu den Führungsschichten des Franken-, Langobarden- und Westgotenreiches im 6. und 7. Jahrhundert // Francia. 1980. Bd. 8. S. 687–745.
19. Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd. I. Bonn: P. Hanstein, 1900². 1698 S.
20. Wagner N. Getica. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. Berlin: De Gruyter, 1967. 280 S.
21. Schwarz E. Die Urheimat der Goten im Lichte der Sprache // Forschungen und Fortschritte. 1953. Jg. 27. Hft. 1. S. 28–30.
22. Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg: C. Winter, 1956. 248 S.
23. Schwarz E.. Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. Studien zur Ausgliederung der Germanischen Sprachen. Bern – München: A. Francke & Leo Lehnen, 1951. 277 S.
24. Oxenstierna E.C.G. Die Urheimat der Goten. Leipzig: J.A. Barth, 1945. 266 S.
25. Svernung J. Jordanes und die gotische Stammsage // Studia Gotica. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden und Südosteuropa / Red. V.E. Hagbert. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1972. S. 20–56.
26. Wessén E. Die gotische Sprache und ihre Überlieferung // Studia Gotica. Die eisenzeitlichen Verbindungen zwischen Schweden und Südosteuropa / Red. V.E. Hagbert. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1972. S. 120–129.
27. Svernung J. Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1967. 260 S.
28. Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln–Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 S.
29. Weibull C. Die Auswanderung der Goten aus Schweden. Göteborg: Erlanders, 1958. 28 S.
30. Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin: De Gruyter, 1970. 584 S.
31. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. II. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. Leiden: E.J. Brill, 1983³. 376 S.
32. Budanova V.P. Goty v ehposu velikogo pereseleniya narodov. SPb.: Aleteja, 1999. 320 s.
33. Krautschick S. Hunnensturm und Germanenflut 375 – Der Beginn der Völkerwanderung. // BZ. 1999. Bd. 92. S. 10–67.
34. Grumel V. La deuxième mission de saint Ambroise auprès de Maxime // REByz. 1951. V. IX. P. 154–160.
35. Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. Oxford: Clarendon Press, 1948. 228 p.
36. Gračanin H. The Huns and South Pannonia // Byzantinoslavica. 2006. V. 64. P. 29–76.
37. Demougeot E. Modalités établissement des fédérés barbares de Gratien et de Théodose // Mélanges d'Histoire ancienne offerts à William Seston. Paris: de Boccard, 1974. P. 143–160.
38. Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd. IV: Die Europäische Hunnen. Berlin: De Gruyter, 1962. 388 s.
39. Soproni S. Die letzten Jahrzehnte des pannonischen Limes. München: Beck, 1985. 128 S.
40. Cesa M. Überlegungen zur föderatenfrage // MIOG. 1984. Bd. 92. Hft. 3/4. S. 307–316.
41. Mazzarino S. Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio. Roma: A. Signorelli, 1942. 401 p.
42. Cesa M. Römische Heer und barbarische Föderaten: Bemerkungen zur weströmischen politik in den Jahren 402–412 // L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. / Ed. M. Kazanski. Rouen: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. S. 21–29.